

Блок 11 ПРАВСТВЕННЫЙ ВЫБОР

15.3 Как Вы понимаете значение словосочетания **ПРАВСТВЕННЫЙ ВЫБОР**? Сформулируйте и прокомментируйте данное Вами определение. Напишите сочинение-рассуждение на тему «**Что такое нравственный выбор**».

Текст 11.1

(1) Есть люди, которые болезненно переживают чужие успехи. (2) Таким был Сеня Голубкин. (3) Ему всюду чудились выгоды и привилегии, которыми обладают другие. (4) Если кто-то заболел, Сенька говорил: (5) «Ясно... (6) Решил отдохнуть!» (7) Если кто-то получал пятёрку за домашнее сочинение, он спрашивал: (8) «Что, мамочка с папочкой потрудились?»

(9) Ему казалось, что любые удачи приходят к людям как бы за его счёт. (10) Зависть, в которой кроется исток многих человеческих слабостей и пороков, не оставляла Сеньку в покое...

(11) Трудно было отыскать людей, более не похожих друг на друга, чем Ваня и Сенька. (12) В ту пору Ваня ещё очень ему сочувствовал. (13) Когда Сеня, путаясь и напрягаясь, блуждал по лабиринтам знаменитых четверостиший, Ваня страдал. (14) А после урока, на котором Голубкин получал очередную двойку, этот верзила теснил невысокого Ваню: тот, оказывается, подсказывал недостаточно чётко и ясно.

(15) Однажды был назначен «районный» диктант, и Сеня Голубкин был в панике: двойка за тот диктант грозила ему второгодничеством.

(16) После диктанта Сенька бегал по коридору и выпрашивал у своих одноклассников:

– (17) Как пишется «в течение»?

(18) Ему отвечали.

– (19) Одна ошибочка есть! – говорил он и загибал палец. – (20) А ты сам-то как написал?

(21) Правильно?

(22) Если оказывалось, что правильно, Сенька скулил:

– (23) Ну, коне-е-чно, сам написа-ал!

(24) После «районного» диктанта у Сеньки не хватило пальцев на обеих руках: он насчитал двенадцать ошибок. (25) Кроме запятых и тире...

(26) На перемене ко мне подошёл Ваня Белов и спросил:

– (27) Что ж, Вера Матвеевна, Голубкину теперь на второй год оставаться?

– (28) Не знаю. (29) Ещё не проверила.

(30) Когда я уселась в учительской за тетради, оказалось, что шесть работ из пачки исчезли.

(31) Среди них были диктанты Сени Голубкина и Вани.

(32) На большой перемене мы с директором в опустевшем классе стали пробиваться к голубкинской совести. (33) Именно тогда, в разгар нашей беседы, появился Ваня Белов и сказал:

– (34) Я пришёл, чтобы отдать себя в руки правосудия!

(35) Я не верила, что диктанты вытащил он, но директор согласился с версией Вани. (36) После уроков шестеро учеников, работы которых исчезли, переписали диктант. (37) Сеня Голубкин получил тройку, поскольку уже успел обнаружить на перемене свои ошибки, и перешёл в седьмой класс.

(38) Он не проникся благодарностью к Ване Белову, напротив, именно с тех пор и невзлюбил его. (39) Голубкин не простил благородства, как не прощал он грамотности тем, кто ему же помогал находить ошибки. (40) Ваня Белов это понял. (41) После того как Сенька очередной раз насолил в чём-то своему спасителю, я как бы мимоходом сказала Ване:

– (42) Ну что... ни одно доброе дело не остается безнаказанным?

– (43) Мало ли что бывает! – ответил он. – (44) Из-за этого всем не верить?

(По А. Алексину)*

* *Алексин Анатолий Георгиевич* (род. в 1924 г.) – писатель, драматург. Его произведения, такие как «Мой брат играет на кларнете», «Действующие лица и исполнители», «Третий в пятом ряду» и др., повествуют о мире юности.

Текст 11.2

(1)Ребята ушли со двора, собирают походное снаряжение. (2)Остался один Гоша. (3)Дежурит у подъезда и ждёт кого-то...

(4)Вот наконец она появилась. (5)Загадочное существо тринадцати лет, невероятная красавица с улыбкою до ушей, с золотыми глазами, с тонюсенькой талией. (6)Верочка.

– (7)Привет, – говорит Верочка и поёживается. – (8)Холодно ещё... (9)Дай куртку.

(10)Гоша накидывает ей на плечи курточку, остаётся в одной майке, и кожа на его руках покрывается пупырышками.

– (11)Тебе отец из Англии чего-нибудь привёз?

– (12)Ага. (13)Вот, смотри, транзистор.

– (14)А матери привёз чего-нибудь? (15)Духи, например? (16)Принеси посмотреть.

– (17)Но как же я... (18)Вера, мне же... (19)Ну, неудобно...

– (20)Тогда становись на голову. (21)Ну?!

– (22)Брось, Верк... (23)Не надо...

– (24)Сейчас же встань на голову!

– (25)Ну, пожалуйста...

(26)Гоша подходит к стене, опускается на четвереньки и после нескольких неудачных попыток делает стойку. (27)Верочка наблюдает за ним сурово, как тренер.

– (28)Кто главный? – спрашивает она.

– (29)Ну, ты...

– (30)Перевернись. (31)И тащи духи. (32)А то заставлю стоять на голове целый день!

(33)Вытирая ладони о свою майку, Гоша топчется беспомощно, моргает, но Верочка неумолима. (34)И тогда, отдав ей транзистор, Гоша плетётся к себе в квартиру.

(35)Горопливые шаги на лестнице, голоса: выбегают на двор Серёжка и Павлик, одноклассники Гоши, с удочками и с какой-то картонной, но грозного вида трубой.

– (36)Это ракета, – сообщает Серёжка внушительно. – (37)В лесу запустим.

(38)Верочка снисходительно наблюдает, как мальчишки возятся с ракетой, как бережно кладут её на ступеньки подъезда, а сами отправляются за рюкзаками.

(39)Дождавшись, когда мальчишки скрылись на лестнице, выходит на двор Гоша. (40)Оглядывается, протягивает Верочке голубой блестящий флакон.

(41)Гоша немного сердит: он не хотел брать этот флакон, выносить его потихоньку, но Верочка заставила. (42)Ей, видите ли, своя прихоть дороже. (43)И Гоша теперь сердит и почти свысока разговаривает с Верочкой: (44)«На, смотри, если хочется...»

(45)Верочка понимает его состояние. (46)И ей не нравится, что Гоша разговаривает свысока. (47)Лицо у Верочки становится задумчивое. (48)Она склоняет голову набок, прищуривается. (49)Прежде, года три назад, с таким выражением Верочка кидалась драться (и дралась почище мальчишек). (50)Теперь она не дерётся. (51)Есть другие способы.

(52)Она нехотя берёт голубой флакон.

– (53)Так, понятно... (54)А спички у тебя есть?

– (55)Спички?.. (56)Ну, в куртке... посмотри в кармане.

– (57)Ага. (58)Теперь поджигай этот хвост! – (59)Верочка показывает на оставленную мальчишками ракету.

– (60)Зачем?.. – ничего не соображая, бормочет Гоша. – (61)Что это?

– (62)Бомба. (63)Пусть бабахнет.

– (64)Ну!.. – растерянно бормочет Гоша. – (65)Это...

– (66)Кто главный?

– (67)Верка, перестань!

– (68)Ах так? – (69)Вера чиркает спичкой и подносит огонёк к ракетному хвосту. (70)Наконец что-то зашипело, заскворчало, как масло на сковородке...

– (71)Верка! (72)Отойди!..

(73)Верочка демонстративно стоит над чадающей картонной трубой. (74)И тут я вижу начало подвига, его свершение и конец. (75)Гоша, оцепеневший от ужаса Гоша, прижавшийся к стене с

перекошенным лицом, тихий, застенчивый и боязливый Гоша вдруг отталкивает Верочку и – плашмя, животом – падает на ракету. (По Э. Шиму)*

* **Шим Эдуард Юрьевич** (1930–2006) – писатель, драматург, автор нескольких сборников рассказов для детей и взрослых.

Текст 11.3

(1)Утром в хрустальной вазе на столе Витя увидел огромный букет мимозы. (2)Цветы были такие жёлтые и свежие, как первый тёплый день!

– (3)Это мне папа подарил, – сказала мама. – (4)Ведь сегодня Восьмое марта.

(5)Действительно, сегодня Восьмое марта, а он совсем забыл об этом. (6)Он немедленно побежал к себе в комнату, схватил портфель, вытащил открытку, в которой было написано: «Дорогая мамочка, поздравляю тебя с Восьмым марта и обещаю всегда тебя слушаться», и торжественно вручил её маме.

(7)А когда он уже уходил в школу, мама вдруг предложила:

– (8)Возьми несколько веточек мимозы и подари Лене Поповой.

(9)Лена Попова была его соседкой по парте.

– (10)Зачем? – хмуро спросил он.

– (11)А затем, что сегодня Восьмое марта, и я уверена, что все ваши мальчики что-нибудь подарят девочкам.

(12)Он взял три веточки мимозы и пошёл в школу.

(13)По дороге ему казалось, что все на него оглядываются. (14)Но у самой школы ему повезло: он встретил Лену Попову. (15)Подбежав к ней, протянул мимозу.

– (16)Это тебе.

– (17)Мне? (18)Ой, как красиво! (19)Большое спасибо, Витя!

(20)Она, казалось, готова была благодарить его ещё час, но он повернулся и убежал.

(21)И на первой перемене оказалось, что никто из мальчиков в их классе ничего не подарил девочкам. (22)Ни один. (23)Только перед Леной Поповой лежали нежные веточки мимозы.

– (24)Откуда у тебя цветы? – спросила учительница.

– (25)Это мне Витя подарил, – спокойно сказала Лена. (26)Все сразу зашушукались, посмотрев на Витю, а Витя низко опустил голову.

(27)А на перемене, когда Витя как ни в чём не бывало подошёл к ребятам, хотя уже чувствовал недоброе, Валерка стал кривляться, глядя на него.

– (28)А вот и жених пришёл! (29)Здорó во, юный жених!

(30)Ребята засмеялись. (31)А тут проходили мимо старшекласники, и все на него смотрели и спрашивали, чей он жених.

(32)Еле досидев до конца уроков, он, как только прозвенел звонок, со всех ног бросился домой, чтобы там, дома, сорвать свою досаду и обиду.

(33)Когда мама открыла ему дверь, он закричал:

– (34)Это ты, это ты виновата, это всё из-за тебя!

(35)Витя вбежал в комнату, схватил веточки мимозы и бросил их на пол.

– (36)Ненавижу эти цветы, ненавижу!

(37)Он стал топтать ветки мимозы ногами, и жёлтые нежные цветочки лопались и умирали под грубой подметкой его ботинок.

(38)А Лена Попова несла домой три нежные веточки мимозы в мокрой тряпочке, чтобы они не завяли. (39)Она несла их впереди себя, и ей казалось, что в них отражается солнце, что они такие красивые, такие особенные... (По В. Железникову)*

* **Железников Владимир Карнович** (род. в 1925 г.) – современный российский детский писатель, кинодраматург. Его произведения, посвящённые проблемам взросления, стали классикой отечественной детской литературы и переведены на многие языки мира.

Текст 11.4

(1) Я даже не помню, как называлась та книга. (2) Помню только, что на коричневой обложке длинным зигзагом алел вымпел какого-то парусника. (3) Я не особенно любил читать, но с удовольствием давал книги из нашей домашней библиотеки своим одноклассникам. (4) Петька Солодков вытащил её из портфеля и положил на стол. (5) Мы стояли у окна и смотрели на хмурое октябрьское небо, с которого, словно пух, падал редкий снег.

– (6) Санёк, спасибо за книгу! (7) Я всю ночь сегодня читал: не мог оторваться! – восхищённо улыбаясь, произнёс Петька и пожал мне руку.

(8) В это время в класс вошёл Колька Бабушкин – мой сосед по парте. (9) Носатый, долговязый, нескладный... (10) У него не было отца. (11) Его и маленькую сестрёнку воспитывала мать, истеричная, крикливая женщина, которая то и дело приходила в школу, чтобы разобраться с обидчиками её детей. (12) Но такое заступничество, конечно, только усиливало наше презрительно-высокомерное отношение к её жалкому отпрыску.

(13) Увидев Бабушкина, все сурово умолкли, и, когда он кивком головы, улыбаясь, поздоровался с нами, никто даже не взглянул на него. (14) Он поставил изжёванный дерматиновый портфель на стол и вдруг увидел книгу. (15) Она лежала на его половине парты. (16) Бабушкин замер и благоговейно, словно святыню, взял её в руки, пролистал страницы, и странная восторженная улыбка появилась на его лице. (17) Он посмотрел на нас и вдруг сказал:

– (18) Спасибо за подарок!

– (19) Положи книгу на место и не трогай чужого! – выйдя из оцепенения, прорычал я.

(20) Колька испуганно вздрогнул и выронил книгу. (21) Все засмеялись. (22) А он, готовый от стыда провалиться сквозь землю, густо покраснел, торопливо поднял её и, погладив обложку, отодвинул от себя, словно извиняясь за то, что посмел к ней прикоснуться.

– (23) Просто у меня сегодня день рождения, и я подумал, что...

(24) Тридцать лет прошло с тех пор, но я до сих пор помню тот случай с книгой, когда я нечаянно разрушил огромный дом человеческой веры, когда я сделал больно другому и не нашёл в себе мужества исправить ошибку. (25) И наша жизнь пошла по другой дороге, где всем больно и одиноко, где нет тех, кто может поднять упавших.

(26) А эта книга... (27) Колька, да я отдал бы тебе всю библиотеку! (28) Да мы бы всё тебе отдали... (29) Но только ты сгорел в танке под Кандагаром, когда я учился на втором курсе университета. (30) Боль стала моей неразлучной спутницей, она смотрит на меня глазами долговязого восьмиклассника и терпеливо напоминает: человеческая жизнь коротка, поэтому никогда не жалея того, что можешь дать, никогда не отнимай того, что у тебя просят.

(По В. Дроганову)*

* *В. Дроганов – современный российский писатель.*

Текст 11.5

(1) В тот день на берегу моря Зыбин всё-таки достал краба. (2) Краб был страшно большой и плоский, и, присмотревшись, на нём можно было разглядеть бугры и колючки, какие-то швы, зубчатые гребешки. (3) Если его засушить, получится, наверное, прекрасный сувенир!

(4) Краб неделю просидел под кроватью. (5) Он сидел всё в одном и том же месте, около ножки кровати, и, когда кто-нибудь наклонялся над ним, он с грозным бессилием выставлял вперёд зазубренную клешню. (6) На третий день около усов показалась пена, но, когда Зыбин к нему притронулся, краб пребольно, до крови, заклешнил ему палец. (7) Тогда Зыбин ногой задвинул краба к самой стене – вот он там и сидел сначала, а потом лежал. (8) На пятый день его глаза подёрнулись белой плёнкой, но только Зыбин притронулся к нему, как он выбросил вперёд всё ту же страшную и беспомощную клешню.

(9) На панцире тоже появилось что-то вроде плесени.

(10) На седьмой день Зыбин утром сказал Лине:

– (11) Всё, больше я не могу – вечером я его выпущу.

(12) Она ответила:

– (13) И я пойду с вами.

(14) Они договорились встретиться на набережной.

(15)Когда стемнело и она подошла к морю, он уже сидел и ждал её. (16)Краб был в его шляпе. (17)Зыбин сказал:

– (18)Вот уж не думал никогда, что во мне сидит такой скот! (19)Обречь кого-то на медленное и мучительное умирание! (20)Никогда бы не поверил, что способен на такое! (21)Я думал: посидит, заснёт, как рыба. (22)А боль я должен был понимать... (23)Этим нельзя пренебрегать...

– (24)Слушай, – прервала его Лина, наклоняясь над шляпой. – (25)Ещё бы день, и он был бы готов.

(26)Он закатал до колен брюки и вошёл в воду.

– (27)Да, – сказал он. – (28)Конечно! (29)Но больше я уже не могу. (30)У каждого скотства есть какой-то естественный предел. (31)А я перешёл его.

(32)Он наклонился над водой и опрокинул шляпу. (33)Под светом фонарика по белому подводному песочку бегали светлые извилистые тени волн. (34)Краб упал на спину да так и остался.

– (35)Мёртв, – сказала Лина, подняв на Зыбина обескураженный взгляд.

– (36)Да, – тяжело согласился он. – (37)Поздно. (38)Ещё вчера... (39)Смотри, смотри!

(40)Сперва заработали ноги. (41)Краб перевернулся, медленно, с трудом поднялся. (42)Встал, отдыхая и отходя. (43)Он стоял, большой, корявый, стоял и набирался сил. (44)И как-то сразу же пропали все белые пятна.

– (45)Будет жить, – сказал Зыбин твёрдо.

(46)Какая-то мелкая рыбёшка приплыла, сверкнула голубой искрой и сгорела в луче фонаря, исчезла.

(47)Тогда краб двинулся. (48)Он пошёл неуклюже, кряжисто, как танк. (49)Шёл и слегка шатался. (50)Прошёл немного и остановился.

– (51)Будет жить, – повторил Зыбин. – (52)Будет жить! (По Ю. Домбровскому)*

** Домбровский Юрий Осипович (1909–1978) – русский советский прозаик, поэт, литературный критик.*

Текст 11.6

(1)Девочку звали Алиса. (2)Ей было шесть лет, у неё был друг – театральный художник. (3)Алиса могла свободно войти в театральный двор, который охранял строгий сторож, а другие дети не могли попасть в этот интересный мир. (4)Но она была не просто девочка, она помощник художника.

(5)Однажды в театральном дворе Алиса увидела парня и сразу поняла, что он не артист.

– (6)Ты кто? – спросила она парня.

– (7)Шофёр, – ответил парень.

– (8)А что ты здесь делаешь?

– (9)Жду.

– (10)Кого?

– (11)Викторию Сергееву.

(12)Сергеева – артистка театра, молодая и красивая женщина. (13)И Алиса задала парню «взрослый» вопрос:

– (14)Ты её любишь?

– (15)Нет, – улыбнулся парень. – (16)Я однажды спас её. (17)В нашем городе, театр был тогда у нас на гастролях. (18)Это было весной, в конце марта. (19)Ребята катались на санках у реки. (20)Сергеева тоже захотела покататься. (21)Ребята дали ей санки. (22)Она села и поехала, сани случайно выехали на лёд, который был тонким и хрупким, и через минуту Сергеева оказалась в ледяной воде. (23)Ребята закричали, а я был недалеко и услышал.

– (24)И ты прыгнул в ледяную воду?

– (25)Прыгнул, – подтвердил парень.

– (26)Не испугался?

– (27)Не успел испугаться.

– (28)И не заболел?

– (29)Заболел немножко.

(30)Алиса и незнакомый парень разговаривали и не заметили, как во двор вошли Сергеева и знакомый художник. (31)Парень первым увидел её и сказал:

– (32)Здравствуйте, Виктория! (33)Вы, наверное, не помните меня? (34)Я Назаров.

(35)Сергеева внимательно посмотрела на парня: она не могла вспомнить его.

– (36)Ну помните, как Вы катались на санках, а я... (37)Вы ещё пригласили меня в Москву.

– (38)Ах, да, – вспомнила Сергеева. – (39)Сейчас я организую Вам билеты.

– (40)Спасибо, – сказал Назаров, – но я не за этим приехал. (41)У меня болен отец. (42)Мы приехали в Москву, но в Москве я знаю только Вас, и я хотел спросить, можем ли мы остановиться у Вас на неделю?

– (43)Нет, нет, – поспешно сказала Сергеева. – (44)Это неудобно, потому что у меня совсем маленькая квартира.

– (45)Что же делать? – спросил парень.

– (46)Не знаю.

(47)И тут Алиса взяла парня за руку. (48)«Пойдём», – сказала она. – (49)«Куда?» – удивился парень. – (50)«К нам», – сказала Алиса.

(51)Она не думала, что скажут дома. (52)Она спасала парня, спасала его от позора и неблагодарности. (53)А когда спасают, то долго не думают, а раз – и в холодную воду!

– (54)Нехорошо как, – сказал художник, когда Алиса и шофёр вышли вместе со двора. – (55)Ведь он вам жизнь спас.

– (56)Что же, я теперь памятник ему должна поставить? – ответила Сергеева.

(57)И тут старый сторож вдруг закричал: (58)«Вон! (59)Вон отсюда!» (60)Он делал вид, что кричит на мальчишек, которые тихонько пробрались в театральный двор. (61)Но кричал-то он на Сергееву.

(По Ю.Я. Яковлеву)*

* *Яковлев Юрий Яковлевич (1923–1996) – писатель и сценарист, автор книг для детей и юношества.*

Текст 11.7

(1)В детстве я мечтал быть скульптором. (2)Это устраивало всех: я тихо сидел у стола и лепил из пластилина. (3)Я лепил лошадей со всадниками и без, экипажи с людьми, кошек вместе с подоконниками, домики для жуков и кузнечиков и самолёты с сидящими внутри лётчиками в шлемах и комбинезонах. (4)Всё это было очень маленьким, миниатюрным.

(5)Однажды я вылепил целую армию. (6)Я вылепил танк, и истребитель, и бронетранспортёр, и везде сидели экипажи, и у экипажей были автоматы и знаки различия на погонах. (7)А сами солдаты и офицеры были ростом в полтора сантиметра. (8)У меня была морская пехота и ВДВ в лёгких самоходках, и всё было выверено по фотографиям в журналах «Советский воин» и газете «Красная звезда». (9)Вся эта роскошь занимала две коробки из-под пластинок. (10)Коробки стояли сверху на книгах, отлично входя между верхним обрезом ряда томов и низом следующей полки.

(11)Ну вот однажды всю мою пластилиновую технику свалили на пол, за книжный шкаф, всмятку.

(12)Родительский гость, больше некому, смотрел книги и, не заметив, видимо, свалил коробки за книги.

(13)Когда я увидел, что произошло, то зарыдал горькими слезами, не помня ничего. (14)Копилась эта коллекция у меня, кстати, года два. (15)Других сокровищ у меня не было. (16)Игрушки и вещи меня интересовали очень мало. (17)В лепке, в этом важном для себя занятии, я не имел себе равных и полагал в нём всю свою будущую жизнь.

(18)Пришедший вместе с гостем его сын, мой приятель Марик, злился на отца и сочувствовал моей трагедии. (19)Отец испуганно и виновато пожимал плечами и неуверенно повторял, что он вроде ничего не ронял... (20)Ему было страшно неудобно, он не знал, куда деваться.

(21)Из нижних полок вынули книжки. (22)Я лично, никого не пустив, полез в пыльную полутьму. (23)Я вынимал моё помятое, изуродованное добро и плакал. (24)Всё общество собралось кругом и следило в скорбной тишине. (25)Повреждения оказались гораздо меньше ожидаемых и были вполне исправимы. (26)Коробки упали удачно. (27)Я хранил их до конца школы, а потом всю жизнь при всех переездах их хранили родители.

(28)Спустя многие годы мы встретились с Мариком.

— (29)А помнишь, у тебя тогда коробки с техникой за шкаф упали? (30)Так это я свалил, – вдруг признался он. (31)И в улыбке было больше удовлетворения, чем раскаяния. (32)Я раскрыл рот. (33)Помолчал. (34)Понял. (35)Но спросил:

– А зачем?

— (36)А так. – (37)Он пожал плечами. – (38)Завидно стало. (39)Я так не умел. (40)А чего, думаю, пусть и у него не будет.

(41)Мы помолчали.

— (42)А свалил на отца, – сказал он.

— (43)Ты извини, я потом жалел, – сказал он.

(44)Он был не первый такой из всех. (45)Он был первым из открывшихся. (46)И лучшим из них из всех. (47)Потому что остальные не жалели. (48)И я ему благодарен. (49)Я впервые заглянул за книжный шкаф, в тёмный угол, в пыльную глубину, куда проваливается лучшее, что у тебя есть. (50)И это нашёл, и это достал, и поправил, и оно уцелело. (51)Люби тех, кто кусает локти: они делают тебя выше.

(По М. Веллеру*)

** Веллер Михаил Иосифович (род. в 1948 г.) – современный российский писатель, лауреат литературных премий.*

Текст 11.8

(1)В эту ночь Сергей возвращался из соседней деревни. (2)Он шагал напрямик по степи. (3)Пока совсем не стемнело, Сергей видел знакомые очертания гор и не боялся сбиться с пути. (4)Но сумерки сгущались. (5)И горизонт растаял. (6)А скоро совсем ничего не стало видно, даже свою вытянутую руку. (7)И не было звёзд. (8)Глухая тёмная ночь навалилась, как тяжёлая чёрная вата. (9)Ветер, который летел с северо-запада, не смог победить эту плотную темноту, ослабел и лёг спать в сухой траве.

(10)Сергей шёл и думал, что заблудиться ночью в степи в сто раз хуже, чем в лесу. (11)В лесу даже на ощупь можно отыскать мох на стволе или наткнуться на муравейник и узнать, где север и юг. (12)А здесь темно и пусто. (13)И тишина. (14)Слышно лишь, как головки каких-то цветов щёлкают по голенищам сапог.

(15)Сергей поднялся на высокий холм и хотел идти дальше, но вдруг увидел в стороне маленький огонёк. (16)Он горел неподвижно, словно где-то далеко светилось окошко. (17)Сергей повернул на свет. (18)Он думал, что ещё придётся много шагать, но через сотню метров подошёл к низкой глинобитной мазанке*. (19)Огонёк был не светом далёкого окошка, а пламенем керосиновой лампочки. (20)Она стояла на плоской крыше мазанки, бросая вокруг жёлтый рассеянный свет.

(21)Сергей постучал в оконце и через несколько секунд услышал топот босых ног. (22)Скрипнул крючок. (23)Мальчик лет десяти или одиннадцати взглянул снизу вверх на Сергея.

— (24)Заблудились?

— (25)Мне надо на Кара – Сук, – сказал Сергей.

— (26)Это правее, километра три отсюда. (27)А вы, видимо, не здешний?

— (28)Будь я здешний, разве бы я заблудился? – раздражённо заметил Сергей.

— (29)Случается... (30)Есть хотите?

— (31)Хочу.

(32)Мальчик скрылся за скрипучей дверью и сразу вернулся с большим куском хлеба и кружкой молока.

— (33)Ты, что же, здесь один?

— (34)Не... (35)Я с дедом. (36)Отару овец пасём.

— (37)А зачем у вас лампа на крыше горит? – спросил Сергей, прожёвывая хлеб.

— (38)Да так, на всякий случай. (39)Вдруг заплутается кто... (40)А в степи ни огонька.

— (41)Спасибо, — сказал Сергей, протягивая кружку.

(42)Сергей не стал объяснять, что сказал спасибо не за еду, а за огонёк, который избавил его от ночных блужданий.

— (43)Ты каждую ночь зажигаешь свой маяк? – спросил Сергей.

— (44)Каждую... (45)Только дед сердится, что я керосин зря жгу. (46)Я теперь стал рано-рано вставать, чтобы успеть погасить. (47)Дед проснётся, а лампа уже на лавке...

(48)Мальчик негромко засмеялся, и Сергей тоже улыбнулся.

(49)Вскоре Сергей задремал. (50)Когда он проснулся, то увидел, что ночь посветлела. (51)Снова проступили очертания гор, начинался синий рассвет.

— (52)Эй, внук, – донёлся из мазанки стариковский голос, – лампу задул? (53)А то я сегодня рано встаю.

(54)Мальчик вскочил – Сергей весело рассмеялся и протянул ему руку.

—(55)Мне пора... (56)Спасибо за огонёк!

(57)Мальчик смущённо подал маленькую ладонь и покосился на лампу. (58)Она всё ещё горела неподвижным жёлтым огнём.

(По В. Крапивину*)

* *Крапивин Владислав Петрович* (род. в 1938 г.) – детский писатель, автор книг о детях и для детей.